

Ланфрэ Пьер

Политическая история пап

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П96

П96 **Пьер Л.**
Политическая история пап / Ланфрэ Пьер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 391 с.

ISBN 978-5-519-92452-8

ISBN 978-5-519-92452-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПАПЪ.

I.

Происхожденіе папства и первоначальная форма свѣтской власти.

Христіанство, при своемъ появленіи, было духовной республикой. Оно не имѣло ни верховнаго правителя, ни политической опоры, ни свѣтской власти, и именно одинъ этотъ принципъ, можетъ быть, самымъ могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ столь быстрымъ его успѣхамъ, которыхъ долгое время не могли объяснить иначе, какъ помощію чудесъ. Оно представляло въ обществѣ, подчиненномъ матеріальной силѣ, примѣръ чисто-нравственнаго авторитета; оно провозгласило себя независимымъ отъ всякой политической системы, въ то время, какъ націи задыхались въ тѣсномъ циклѣ римской организаціи, и дѣло его было выиграно въ первое время, прежде всего благодаря одному этому контрасту. Объясняя такимъ образомъ успѣхи христіанства, можно обойтись и безъ гипотезы чудесъ. Христіанство утверждаетъ великіе законы исторіи, а не противорѣчитъ имъ, и въ тысячу разъ болѣе уважаетъ человѣческую природу, чѣмъ то легковѣріе, которое приписываетъ

провидѣнію различные государственные перевороты, изъ желанія прославить его могущество, не подозрѣвая, что этимъ самымъ оно унижаетъ его мудрость. Не слѣдуетъ бояться затрогивать легенды, если онѣ унижаютъ человѣчество.

Въ то время, когда съ появленіемъ христіанства явился догматъ духовной свободы, Римъ не только лишалъ народы ихъ національности и всего того, что составляло ихъ преданія, онъ коснулся даже и боговъ ихъ, которые, подобно плѣнникамъ, отводимы были въ его храмы. Взамѣнъ боговъ, Римъ заставилъ боготворить своихъ цезарей. Извѣстно, что, по особенно знаменательной аналогіи, римляне находили въ своей религіи принципъ завоеваній, заключавшійся въ ихъ политикѣ, и завоевывали разомъ и боговъ и государства. Въ лицѣ своихъ государей Римъ заставилъ боготворить самого себя, какъ завоеванныхъ народовъ, такъ и побѣжденных боговъ. Грубый культъ императоровъ слѣдовалъ самъ собою за эпохой упадка, когда старый политеизмъ промѣнялъ свой символизмъ на грубое ученіе Эвгемера. Но такъ какъ, по мнѣнію мудрецовъ, боги — не болѣе какъ цари, боготворимые послѣ ихъ смерти, то, слѣдовательно, римскій императоръ могъ быть боготворимъ и при своей жизни. Такимъ образомъ недостаточно было, чтобы народы были рабами, нужно было еще, чтобы они обожали свое рабство.

Чтобы заинтересовать покоренныхъ своей опекой и обольстить ихъ даже до забвенія ихъ воспоминаній, напрасно распространяли постепенно право граждан-

ства также далеко, какъ и самое завоеваніе. Поко-
ренные все-таки могли узнать свою родину въ по-
глотившей ихъ централизаціи, также какъ и своихъ
боговъ въ истуканахъ пантеона. Единственнымъ ре-
зультатомъ этихъ мѣръ было ослабленіе единственной
энергической личности, остававшейся въ имперіи, —
именно личности самого Рима. Такимъ образомъ от-
сутствіе болѣе живой связи замѣняла одна чисто ме-
ханическая организація, которая, благодаря своему
безпредѣльному расширенію, должна была болѣе и бо-
лѣ стремиться къ централизаціи. Причиною этого
былъ тотъ законъ расширенія, по которому это чу-
довищное могущество довело свои злоупотребленія даже
до самого неба, послѣдняго убѣжища побѣжденныхъ.

Этимъ объясняется необыкновенная популярность
ученія, которое возвращало притѣсненнымъ отечество
и Бога, стоявшаго выше звѣрскихъ угнетеній, и ко-
торое устами Павла провозглашало равенство между
побѣжденнымъ и побѣдителемъ, между рабомъ и гос-
подиномъ, между мужчиной и женщиной, между іуде-
емъ и язычникомъ. Конечно чистота и другихъ хри-
стіанскихъ правилъ не могла, безъ сомнѣнія, не вы-
даваться въ виду глубокаго паденія древняго общества,
но ни одно изъ этихъ правилъ не имѣло столь рѣши-
тельнаго вліянія, какъ неожиданное признаніе правъ
угнетенной личности. Христіанство прежде всего
было возгласомъ свободы, формулой независимости,
великимъ усиліемъ человѣческаго духа къ освобожде-
нію отъ владычества силы. Оно соединяло всѣ угне-
тенныя національности.

Если къ этой главной чертѣ христіанства присовокупить общечеловѣческій характеръ, которымъ оно столь рѣзко отличается отъ іудейства, — хотя христіанство многое заимствовало отъ іудейства и долгое время принималось за іудейскую секту, — и отъ другихъ религій древняго міра, религій въ высшей степени исключительныхъ, національныхъ, служившихъ выраженіемъ свойствъ и потребностей только извѣстнаго народа; если сравнить съ ними простоту его догматовъ и обрядовъ, его свободу вѣроученія, заставлявшую думать сначала, что христіанство есть не болѣе какъ философія, а не культъ, въ чемъ долгое время укоряли его враги, — если имѣть все это въ виду, то можно видѣть, въ какой рѣшительной противоположности съ римской законностью находилось христіанство въ своей первичной, естественной формѣ. Такова оппозиція, посредствомъ которой оно овладѣваетъ міромъ.

Оппозиція тѣмъ болѣе бываетъ могущественна, чѣмъ менѣе она стремительна и враждебна. Безропотнымъ подчиненіемъ земной силѣ, христіанство только сильнѣе давало замѣтить бездну, которая ихъ раздѣляла. Онѣ жили въ двухъ сферахъ, столь чуждыхъ одна другой, что невозможно было найти точку ихъ взаимнаго соприкосновенія. Но если христіанство такъ охотно уступало имъ тѣло, это значило, что оно надѣялось удержать всецѣло душу. Главная сила его состояла въ отсутствіи всякаго сходства съ земнымъ владычествомъ, и благодаря своей духовной сущности, оно избѣжало власти могущественныхъ своихъ недруговъ.

Итакъ по самому существу своему христіанская церковь первыхъ двухъ вѣковъ исключаетъ всякую мысль о папской власти. Въ эти вѣка вдохновенія, свободы и безкорыстія, она не имѣетъ еще ни управленія, ни храмовъ, ни обрядовъ, такъ что въ ней съ трудомъ можно различить первичные элементы ея іерархіи. Минуцій Феликсъ говоритъ въ своей апологіи: «Храмъ истиннаго Бога есть вселенная, образъ его — человѣкъ, и жертва, которая ему пріятна, состоитъ въ добрыхъ дѣлахъ». Здѣсь какъ будто слышатся слова одного изъ тѣхъ деистовъ, которые семнадцать вѣковъ позже протестовали въ свою очередь противъ установленій, до того уклонившихся отъ сущности религіи, что всё творенія, писанныя для ихъ защиты, могли быть обращены противъ нихъ какъ порицаніе.

Равнымъ образомъ здѣсь нѣтъ никакого зародыша и духовной власти, олицетворившейся въ одномъ человѣкѣ, т. е. зародыша самого папства. Въ твореніяхъ первыхъ апологетовъ не встрѣчается о немъ никакой идеи. Правда, они упоминаютъ имя папы, но оно усвоивается безразлично всѣмъ епископамъ. По смерти апостоловъ духовная власть принадлежала епископамъ, избираемымъ обществомъ вѣрующихъ, священникамъ, діаконамъ, истолкователямъ св. писанія, которые могли знать первыхъ пастырей и сохранить ихъ преданія. Связь между отдѣльными церквами поддерживалась посредствомъ наставленій, составляемыхъ вообще въ формѣ посланій. Посланія эти болѣе всего трактовали о нравственныхъ вопросахъ.

Позже, когда епископская власть начинает выдѣляться изъ чисто демократическихъ формъ первыхъ временъ, отношенія ея осложняются и регулируются. Дѣла, интересующія церковь, разрѣшаются собраніями епископовъ. Эти малочисленные соборы весьма часто происходили подѣ председательствомъ того лица, которое созывало ихъ. Епископы Рима не только не приписывали себѣ никакого первенства на этихъ соборахъ, но не видно даже, чтобы они претендовали на это, и лучшимъ доказательствомъ того, что они не владѣли въ этотъ первый періодъ правами, какія присвоили себѣ позже, можетъ служить то, что всѣ эти права принадлежали соборамъ, которые распоряжались, управляли и останавливали даже малѣйшее соперничество. Посредничество папъ такъ мало было замѣчаемо въ зарождавшемся христіанствѣ, что не знали даже, были ли Клитъ и Анаклитъ— два лица, или одно, и оба они, или который либо одинъ изъ нихъ, правилъ прежде или послѣ Климента. Что же касается до этого послѣдняго, то далекій отъ того, чтобы издавать отъ своего лица посланія, которыя могли бы доставить ему вліяніе, онъ никогда не говорилъ иначе, какъ выражая голосъ и чувство своей епархіи.

Какая разница между этими столь кроткими и столь великими началами христіанской республики, въ которой самый вліятельный былъ самымъ святымъ, въ которой единство вытекало не изъ принужденія а изъ сердечнаго согласія, съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое представляетъ она нѣсколькими вѣками позже! Кто узналъ бы

ее въ этой абсолютной монархіи, гдѣ клиръ образуетъ привилегированную касту, отдѣленную отъ паствы, гдѣ избраніе, уклонившееся отъ цѣли, есть не болѣе, какъ самопроизвольный выборъ, совершаемый только высшими въ пользу единой, ни передъ кѣмъ неотвѣчающей власти; гдѣ епископъ Рима является преемникомъ соборной власти, сомовластнымъ монархомъ народовъ, претендующимъ разомъ и на управленіе совѣстью и на распоряженіе государствами и хочетъ царствовать надъ душою и тѣломъ, какъ та римская имперія. противъ которой христіанство протестовало? Нѣтъ сомнѣнія, что это суть тѣ крайніе предѣлы, тотъ кругъ, въ которомъ обыкновенно обращаются политическія учрежденія, но повидимому религіозныя общества, которые претендуютъ быть абсолютными идеалами, должны сначала показать, что они избѣгли этой измѣняемости. Къ чему послужить имъ благо обладанія правиломъ и истиной, если они являются подчиненными той же случайности, какъ и предпріятія, внушаемые честолюбіемъ?

Отсюда ясно насколько папство, представляемое своекорыстными теоріями или мало просвѣщенной критикой, какъ учрежденіе, родившееся вмѣстѣ съ христіанствомъ и образовавшееся изъ его сущности, было напротивъ учрежденіемъ, созидавшимся медленно и послѣдовательно. Мы видимъ, какой ходъ развитія представляетъ оно въ христіанской идеѣ. Оно развивается въ нѣдрахъ христіанства почти такъ-же, какъ образуется и возрастаетъ въ нѣдрахъ демократіи абсолютная власть. Сначала является духовная власть, затѣмъ дисциплина, управленіе дѣлами, правительство, впо-
слѣдствіе

дѣйствию обнаруживаются свѣтскія притязанія, а наконецъ и мечта о вселенской монархіи.

Соборы первые содѣйствовали этому стремленію и покровительствовали ему, по своему несочувствію къ раздѣленіямъ, которыя начинали возмущать тогда церковь; но въ эти вѣка энтузіазма и чистосердечія вѣрныя оттолкнули, какъ нечестіе, то грубое средство, которое было избрано нѣсколько позже — устранить затрудненія, вмѣсто того, чтобы разрѣшить ихъ. Въ то время казалось дѣломъ идолослуженія приписывать непогрѣшимость соборамъ, а еще съ болѣе сильнымъ убѣжденіемъ вѣрующіе оступили отъ мысли—дать такое оружіе въ руки одного человѣка. Въ апологіяхъ Юстина, Минуція Феликса, св. Иринея и Климента Александрійскаго, въ твореніяхъ, въ которыхъ всѣ вопросы, интересовавшіе тогда церковь, изложены съ величайшими подробностями, также вовсе не упоминается о первосвященнической власти.

Названіе — римская церковь, которое встрѣчается иногда здѣсь, принимается лишь въ смыслѣ римской епархіи; только въ послѣднихъ книгахъ Тертуліана являются въ первый разъ претензіи римскаго епископа; да и то скорѣе на почетный титулъ, чѣмъ на дѣйствительное первенство, и приводятся онѣ здѣсь не болѣе какъ для того, чтобы обратить ихъ въ смѣшное. Точно также напрасно стали бы искать чего либо, для оправданія ихъ, въ многочисленныхъ писаніяхъ Оригена. При св. Кипріанѣ замѣчается уже, что папскія прерогативы получили нѣкоторое мірское значеніе, благодаря раздорамъ, вслѣдствіе которыхъ установился

законъ дисциплины и единства. Кипріанъ адресуется къ римскому епископу, какъ къ главѣ «первенствующей церкви, источнику іерархическаго единства», но все еще онъ называетъ его своимъ «товарищемъ» и насмѣхается въ свою очередь надъ претензіями епископа изъ епископовъ, папы Стефана, который желалъ произвести рѣшительный приговоръ по дѣлу Кипріана и его соперника на кареагенскую каеэдру. «Я раздраженъ, писалъ Кипріанъ по этому поводу къ св. Фирмиліану, безумнымъ притязаніемъ римскаго епископа, который утверждаетъ, что онъ наследовалъ свое епископство отъ апостола Петра».

Несмотря на противодѣйствіе со стороны честнѣйшихъ независимыхъ характеровъ, которыми прославилась христіанская церковь, движеніе, тяготѣвшее къ сосредоточенію верховной власти въ рукахъ одного человѣка, нашло себѣ поддержку въ столькихъ обстоятельствахъ, что рано или поздно должно было одержать верхъ; также и централизація, вызывавшаяся расширеніемъ границъ, безпрестанно появлявшимися ересями, преслѣдованіемъ, закоренѣлою привычкою придавать закону наглядное и живое олицетвореніе и слабостью, которая породила диктатуры, [необходимо должна была послужить въ пользу римскимъ епископамъ; кромѣ того помогало имъ и самое положеніе римской епархіи, которое было вполнѣ исключительнымъ.

Взгляды міра всецѣло еще обращены были къ Риму и естественно Римъ, становясь христіанскимъ, располагалъ искать въ немъ образецъ нравственнаго величія, какъ въ послѣдствіи столь долгое время искали

здѣсь образца корыстолюбія. Идея создать духовную имперію въ подражаніе имперіи цезарей должна была возродиться сама собою въ умахъ, еще не совсѣмъ освободившихся отъ своего долготѣянаго рабства; она нравилась также и политикамъ, какъ удобное средство обратить въ пользу уже готовую организацію и живо поразить воображеніе величіемъ, заимствованнымъ отъ прежняго Рима. Итакъ церковь приобрѣла свою столицу и своего цезаря, какъ имперія, и раздѣленіе церковныхъ провинцій совершилось по образцу провинцій имперіи.

Императоры съ своей стороны не могли миновать упадка своего могущества въ виду столь чудеснаго возрастанія религіи, которую они старались уничтожить, и еще болѣе вслѣдствіе уже осуществившейся попытки причислить церковь къ составу своего правительства. Дѣйствительно, имперія и церковь находились въ отношеніи обоюднаго вліянія и, подражая другъ другу, дошли наконецъ до того, что имѣли одинаковый механизмъ. Такъ какъ онѣ не уничтожили другъ друга и послѣ безконечной борьбы между собою имѣли много точекъ соприкосновенія и общіе интересы, то естественно, что въ данный моментъ, между верховными представителями обѣихъ учрежденій, могла возникнуть мысль о соединеніи, для взаимной поддержки. Не имѣя возможности побѣдить духовнаго цезаря, императоръ долженъ былъ, рано или поздно, протянуть ему руку. Это и случилось при Константинѣ.

Итакъ договоръ былъ подписанъ, хотя каждый договаривавшійся имѣлъ заднюю мысль эксплуатировать